

Белокреницкий В. Я.*

Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Проблема связанного с исламом и прикрывающегося исламом радикализма в современном Пакистане продолжает привлекать к себе внимание, хотя в последние годы в фокусе оказались, скорее, аналогичные процессы в арабских странах Ближнего Востока. Актуальность рассмотренных сюжетов связана с сохранением напряженной террористической обстановки в Пакистане и междоусобной войной в соседнем Афганистане. В задачи статьи входит краткая характеристика роли и места ислама в пакистанском обществе, рассмотрение социальной подоплёки радикализации исламизма, анализ внутренних факторов, в частности политики исламизации, проводимой правящими кругами с последней трети минувшего века, а также внешних процессов (ситуации в регионе), выявление этапов и циклов в эволюции экстремизма.

Ислам и межобщинные отношения

В Пакистане ныне проживает более 200 млн человек (шестое место в мире после Китая, Индии, США, Индонезии и Бразилии), из них абсолютное большинство (96%) — мусульмане. С момента принятия первой конституции в 1956 г. государство носит название Исламской Республики Пакистан. Тогда именно и появилось определение республиканского строя через религию. К настоящему времени число исламских республик равно четырем, и три из них, кстати, находятся по соседству. Наиболее известная из них — Исламская Республика Иран, где высшим авторитетом является рахбар (духовный вождь), а представители сословия богословов занимают особое место в управлении страной. Пакистан не имеет таких особенностей, будучи по форме секулярной, парламентской и федеративной республикой. Однако ислам имеет по действующей конституции статус религии большинства. В соответствии с основным законом государство обязано помогать его гражданам-мусульманам в отправлении религиозного культа. Только мусульманин может быть президентом и премьер-министром страны. Одна из государственных задач состоит в развитии контактов с братскими мусульманскими государствами и народами.

Хотя мусульмане и составляют преобладающую часть жителей страны, их нельзя считать монолитной массой. Примерно 80–90% мусульман принадлежат к наиболее распространенному в мире направлению — суннизму, остальные относятся к шиитам, по большей части имамитам-двенадцатиричникам (эсна-ашарийа), но имеются и исмаилиты, распадающиеся на ходжа и бохра (низаритов и мусталитов), а также представители некоторых других

---

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института востоковедения РАН.

ответвлений в исламе, которые мусульманская община страны в целом не обвиняет в ереси и отступничестве.

Между тем, одна из сект, ахмадийя, состоящая из последователей учения Мирзы Гулама Ахмада Кадияни¹, решением парламента в 1974 г. была объявлена неисламской, еретической. С тех пор, хотя сами члены этой общины причисляют себя к мусульманам и следуют основным догмам и принципам ислама, в Пакистане их относят к религиозным меньшинствам наряду с христианами, индустами, низкокастовыми индусскими группами, сикхами и парсами-зороастрийцами. В соответствии с конституцией, община ахмадийцев (кадиани), имеет одно зарезервированное за ними место в нижней палате парламента, официально называемого арабским термином маджлис-е шура (совещательное собрание).

Выведение ахмадийцев за скобки ислама иллюстрирует возможности, которые предоставляют догматические различия для политической радикализации под флагом ислама. Первые волнения на антиахмадийской почве охватили страну еще в 1953 г. Их инициировали сторонники «очищения ислама» из двух организаций — Джамаат-и ислами (Исламское общество) и Маджлис-и ахрар (Собрание свободных). Обе политические организации не поддерживали борьбу за создание Пакистана. Между тем как многие представители богатой общины индийских ахмадийцев принимали в ней активное участие и заняли видное место среди ее политической элиты. Так, первым министром иностранных дел Пакистана, возникшего, как и независимая Индия, в 1947 г., стал ахмадиец Чаудхри Зафрулла Хан. С его деятельностью связаны первые шаги по формированию дипломатической службы и всей внешнеполитической системы страны².

Инициаторы ахмадийских погромов 1953 г. были привлечены к суду, который вынес суровый приговор — основателя Джамаат-и ислами, Абул Ала Маудуди, приговорили к смертной казне. Проведя несколько лет в тюрьме он был помилован и смог, выйдя на свободу, продолжить активную политическую и литературно-проповедническую деятельность³.

Постепенная радикализация политического ислама, то есть феномена использования религии в политических целях, привела через 20 лет после осуждения антиахмадийцев к выполнению их требований. Это произошло при Зульфикаре Али Бхутто, руководителе страны, пытавшемся соединить идеи ислама и социализма. Он проводил в начале 1970 годов леводемократические преобразования, опираясь на религиозную традицию. После прихода к власти в результате военного переворота в июле 1977 г. генерала Мухаммада Зия

¹ О нем и его учении см: Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., Издательство восточной литературы, 1963, с. 154–160.

² Jalal A. The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2014, p. 63.

³ Подр. см: Плешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, 2003, с. 40–44.

уль-Хака началась исламизация всех сторон общественной жизни⁴. Она стала инструментом придания законности перевороту и послужила фоном, который позволил через два года после свержения казнить З. А. Бхутто.

Суннито-шиитские трения

Исламизация проводилась по канонам ханафитского (суннитского) фикха (юриспруденции), что вызвало острое недовольство шиитов. Оно вылилось в массовые уличные протесты. На гребне протестной волны появились крупные политические организации шиитов. Консолидации шиитов способствовал успех шиитской (неошиитской) идеологии, утвердившейся после Исламской революции 1978–79 гг. в соседнем Иране. Противостояние главных ветвей ислама привело к появлению в Пакистане радикально настроенных боевых группировок — Сипах-и-сахаба (суннитская, воинов сподвижников пророка) и Сипах-и Мухаммад (шиитская, воинов пророка). Стычки между «воинами» приобрели затяжной и ожесточенный характер. Они серьезно осложнили пакистано-иранские отношения, но с середины 1980 годов, отчасти, вероятно, под воздействием тайного содействия Пакистана иранской ядерной программе, пошли на спад. Возобновились они вновь лишь во второй половине следующего десятилетия, когда помощь Ирану в ядерной области уже, по-видимому, не оказывалась.

Другим внешним фактором радикализации политического ислама в Пакистане на почве суннито-шиитской конфронтации, была ситуация в Афганистане. Афганские шииты составляют примерно ту же долю местного населения (10–15%), что и в Пакистане, но принадлежат в основном к одной этнической группе хазарейцев. Преследование шиитов-хазарейцев со стороны талибов, которые во второй половине 1990 годов, опираясь на поддержку Пакистана, установили контроль над большей частью своей страны, вызвало новые осложнения в пакистано-иранских отношениях и подтолкнуло процесс дальнейшей радикализации пакистанского исламизма.

Суннито-шиитские кровавые разборки приняли особенно острый характер в 1997–1998 гг., охватив, прежде всего, наиболее населенную провинцию страны Панджаб⁵. Это случилось спустя 10 лет после гибели Зия уль-Хака в авиакатастрофе, в период так называемого демократического просвета, то есть функционирования парламентской системы между военными режимами.

Нужно подчеркнуть, что утвердившиеся в середине 1990 годов у власти в Кабуле афганские талибы были в большинстве учениками религиозных медресе (школ), расположенных в лагерях беженцев на территории Пакистана.

⁴ См.: там же, с. 82–201; Talbot I. Pakistan. A New History. Karachi: Oxford University Press, 2012, p. 126–130.

⁵ Белокреницкий В. Я. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке, этнические и конфессиональные. М.: Аспект-пресс, 2008, с. 342.

Беженцы из охваченного войной Афганистана (их число равнялось, по оценкам, 3,5 млн человек) в большинстве состояли из пуштунов, этноса, сохранившего во многом традиции племенной и клановой организации. Хотя пуштуны являются самой многочисленной этнической группой в Афганистане, они по численности примерно вдвое уступают пакистанским соплеменникам. Пакистанские пуштуны помогали афганским «собратьям» пережить период вынужденной миграции, что размыло и без того плохо соблюдаемую и охраняемую межгосударственную границу⁶.

Не удивительно, что, с тех пор как радикализация идеологии, основанной на исламе, помогла афганским талибам одержать верх над соперниками-исламистами (муджахедами) в борьбе за власть, в Пакистане стали набирать силу похожие явления. Расцвет максималистского ислама как идеологии и практики политического действия пришелся на вторую половину 1990 годов.

Подъем воинствующего исламизма

В этот период произошел не только захват власти в Кабуле (столице Афганистана) движением Талибан, но и оттеснение ими противников из так называемого Северного альянса к границам с Таджикистаном и Узбекистаном. Представлялось, что это создает угрозу расползания радикального исламизма из «сердца Азии», как давно уже называют Афганистан, на север, в Центральную Азию и Кавказ. Именно в это время имели место террористические акты в Узбекистане, памятные для России вылазки ваххабитов на Северном Кавказе.

В связи с укреплением талибов в Афганистане исламистская угроза нависла и над Пакистаном. Волна религиозного фанатизма захлестнула пакистанский Панджаб, прежде всего его южные и центральные округа и столицу провинции Лахор. На конгрегации прозелитско — просветительского движения Таблиги джамаат (Общество призыва) в местечке Муридке близ Лахора в тот период собирались раз в году по 2–3 млн человек. Агитаторы из этого движения проникали и в Среднюю Азию (несмотря на языковой барьер) и даже в некоторые районы России. В русскоязычной среде они были известны под именем «даватцы» от «дава», другого слова, означающего призыв⁷.

⁶ Официальные власти Афганистана, к тому же, не признают легитимной существующую границу в районе проживания горских пуштунских племён. Проведенная в 1893 г. по предложению тогдашних англо-индийских властей «линия Дюранда» не устраивала эмира Афганистана, но он был вынужден согласиться с ней под давлением и в расчете на субсидии англичан. Именно это обстоятельство, согласие под нажимом, позволило властям в Кабуле с первых лет после образования Пакистана оспаривать законность границы. См. напр.: Паничкин Ю. Н. «Линия Дюранда» и пуштунский вопрос в отношениях между Афганистаном и Пакистаном в кн.: Исламский фактор в истории и современности. М., Восточная литература, 2011, с. 179–187.

⁷ Belokrenitsky V. Islamic Radicalism in Central Asia: The Influence of Pakistan and Afghanistan // Rumer B. (ed.) Central Asia at the End of the Transition. N. Y.: M. E. Sharpe, 2005, p. 179–180, 191.

Отметим, что, помимо афганского, усилению исламистского радикализма способствовал кашмирский фактор. В индийском штате Джамму и Кашмир, принадлежность которого Индии оспаривается Пакистаном, на рубеже 1980–90 годов вспыхнул антиправительственный мятеж. Он был активно поддержан официальными пакистанскими кругами (Исламабадом). Помимо государственных средств, на поддержку борьбы кашмирских сепаратистов были мобилизованы общественные фонды, образованные с помощью целого ряда исламистских организаций⁸.

В самом конце 1999 г. пакистанским террористам удалось захватить индийский пассажирский самолет и посадить его в талибском городе Кандагар на юге Афганистана. Уступая угрозе расправиться над пассажирами, Нью-Дели согласился освободить четырех захваченных ранее в Кашмире лидеров боевиков. Их освобождение было воспринято исламистами как явный успех и усилило их позиции в Пакистане⁹.

Проблема Кашмира сохраняла исключительную остроту на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века. Очередному государственному перевороту в Пакистане в октябре 1999 г. предшествовала спровоцированная пакистанскими военными мини-война в Кашмире. Не исключено, что главной целью армейского руководства было при этом создание условий для свержения правительства Наваза Шарифа, чья партия уверенно победила на выборах 1997 г. и попыталась отстранить генералитет от рычагов управления страной. Придя к власти в результате государственного переворота, военные круги во главе с генералом Первезом Мушаррафом сделали ставку на умеренно происламские политические силы. Отвернувшись от талибов осенью 2001 г., Исламабад, словно в порядке компенсации, позволил находящимся под его влиянием радикально настроенным элементам совершить террористические акты в Джамму и Кашмире и осуществить нападение на здание индийского парламента в Нью-Дели¹⁰. Продолжавшийся из-за этого примерно полгода острый кризис в пакистано-индийских отношениях продемонстрировал опасность противостояния двух непризнанных мировым сообществом ядерных держав (ядерные испытания они провели в мае 1998 г.) и разрешился фактическим отказом Исламабада от политической поддержки кашмирских экстремистов.

Одновременно с этим наблюдался откат религиозного радикализма во всем центре Евразии. Что произошло после ликвидации исламистов (ваххабитов) в Чечне и Дагестане в 1999–2000 гг. и террористических атак 11 сентября 2001 года на США. Теракты дали повод для военной кампании в Афганистане, где под крылом талибов нашла убежище экстремистская арабская организация Аль-Каида во главе с Усамой бен Ладеном. Разгром отрядов движения

⁸ Talbot I. Pakistan. A New History, p. 166–167.

⁹ Rashid A. Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. L., Penguin Books, 2008, p. 112–114.

¹⁰ Rashid A. Descent into Chaos, p. 115–116.

Талибан осенью 2001 — зимой 2002 г. силами американо-британской коалиции и афганских соперников талибов с севера страны привел к власти в Кабуле разнородную правящую группу, состоявшую по преимуществу из муджахедов первого, доталибского призыва, как пуштунского, так и непуштунского происхождения¹¹.

Присутствие во властных структурах в Кабуле значительного числа пуштунов было во многом связано с давлением Исламабада, который, как выше отмечалось, в последний момент перед крахом талибского режима согласился разорвать отношения с ним и, воспользовавшись своим географическим положением, предоставил ценную логистическую помощь американцам. США в ответ закрыли глаза на переход границы с Пакистаном главарей талибов и тысяч рядовых членов организации¹². Пакистанская территория превратилась в тыловую базу сил афганского радикального исламизма, где скрывались боевики из разных талибских и союзных с ними организаций, прежде всего так называемой сети Хаккани¹³, а также Аль-Каиды, Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и др.

Вновь набравшее силу после 2003 г. (начала иракской кампании США, отвлекшей их внимание от Афганистана) сопротивление талибов нашло отклик в Пакистане, особенно среди горных пуштунов. Он был на первых порах локализован в политическом агентстве Северный Вазиристан Территории племен федерального управления (официальное название зоны пуштунских племен). Первой заметной фигурой среди них был Нек Мухаммад из племени вазиров, убитый американской ракетой летом 2004 г. После его смерти боевиков возглавил Бейтулла Масуд (из одноименного племени), который в 2007 г. провозгласил создание Техрик-е талибан Пакистан (Движения пакистанских талибов, ДПТ)¹⁴. Именно талибов считают организаторами теракта, оборвавшего жизнь в декабре того года дочери З. А. Бхутто Беназир, дважды возглавлявшей (в 1988–1990 и 1993–1996 гг.), кабинеты министров Пакистана. ДПТ организовала также серию террористических атак на северо-западе страны, в Исламабаде и крупнейшем портовом городе Карачи¹⁵.

Пик активности воинствующих исламистов пришелся на кризисное время для режима генерала Мушаррафа. После парламентских выборов в феврале

¹¹ См: Коргун В. Г. История Афганистана XX век. М., ИВ РАН, Заключение, с. 462–476. Современный Афганистан и сопредельные страны. Отв. ред М. Р. Арунова. М.: ИВ РАН, 2011.

¹² Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014, с. 158–160.

¹³ Боевая организация под этим названием действовала под руководством «ветерана» исламистского подполья Джалалуддина Хаккани из пограничного афганского племени джадран. Реально возглавлял ее с середины 2000 годов его сын Сираджуддин. См.: там же, с. 164, 168.

¹⁴ Там же, с. 174.

¹⁵ По др. см: Замараева Н. А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012, с. 179–201.

2008 г. и его отставки в августе того года сложились условия для отпора наступлению исламистов, захвативших ряд округов в непосредственной близости от Пешавара (главного города Северо-Западной пограничной провинции, ныне провинции Хайбер-Пахтунхва) и Исламабада. В 2009 и 2010 гг. пакистанская армия провела крупные контртеррористические операции против пакистанских талибов и восстановила контроль над основными населенными пунктами севера горной пуштунской области. Гибель Бейтуллы Масуда в результате ракетного удара с беспилотника США в 2009 г. ослабила силы ДПТ, а раскол в стане боевиков произошел после аналогичной судьбы, постигшей в 2013 г. преемника Бейтуллы Хакимуллу Масуда. Постепенному спаду активности террористов способствовали также уничтожение в пакистанском городе Абботабад американскими спецназовцами У. бен Ладена в мае 2011 г. и усиление эффективности действий пакистанских армейских, полувоенных и специальных формирований¹⁶.

В результате парламентских выборов в мае 2013 г. правящей стала партия Пакистанская мусульманская лига, возглавляемая Н. Шарифом. Этот опытный политический деятель в третий раз возглавил пакистанское правительство, но вынужден, как и в предшествующие периоды своего премьерства (в 1990–1993 и 1997–1999 гг.), делить власть с генералитетом. Между гражданской и военной ветвями власти обнаружилось расхождение в вопросе о политике в отношении исламистов. Политическое руководство, как в центре, так и в пуштунской провинции Хайбер-Пахтунхва, стремилось договориться с талибами, видя в них, прежде всего, пуштунских националистов и рассчитывая использовать в своей игре. Армия относилась скептически к возможности диалога с ними, считая их непримиримыми противниками существующих государств.

В начале июня 2014 г. действующие под флагом талибов боевики, главным образом узбекского происхождения, совершили дерзкий налет на аэропорт Карачи, парализовав на время функционирование главных воздушных ворот страны. После этого руководство армии вынудило гражданские власти согласиться с началом крупномасштабной карательной операции против основных группировок пакистанских талибов, сети Хаккани, Аль-Каиды и Исламского движения Узбекистан, окопавшихся в труднодоступных горных районах Северного Вазиристана. Если верить армейской службе связей с общественностью, наступление военных, получившее кодовое название Зарб-е-азб (Меч пророка,

¹⁶ В борьбе с террористами пакистанские спецслужбы понесли серьезные потери. официальные данные о них отсутствуют. По оценкам общественных пакистанских и международных организаций, общее число погибших военнослужащих за 2001–2013 гг. равняется примерно 15 тыс. человек. Среди жертв террористов числятся генерал-майор пакистанской армии, другие высшие и старшие офицеры как самой армии, так и пограничных войск, относимых обычно к полувоенным формированиям, а также руководители полиции и специальных служб. Общее же число пакистанцев, погибших от рук террористов, в ходе борьбы с ними, не исключая и их самих, достигает 50 тысяч. См.: Москаленко В., Топычканов П. Сила и слабость Пакистана. М., Карнеги, 2013, с. 45; Shah, Aqil. *The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan*. Cambidge (Mass.), 2014, Fn. 45.

или Разящий удар) к осени 2014 г. привело к полному разгрому террористических укрытий и лагерей и гибели около 1 тыс. боевиков. Проверить достоверность победных реляций не представляется возможным из-за введенных армией ограничений на сбор информации о ее действиях. Скорее всего, боевики понесли серьезные потери, но основная их часть, видимо, ушла по горным тропам в соседние районы Афганистана. Используя свои базы там, они готовились для нанесения ответного удара. 16 декабря 2014 г. террористы атаковали престижную школу для детей военнослужащих в Пешаваре. В результате погибло, по официальным данным, которые некоторые в Пакистане считают заниженными, 145 учащихся и их наставников. Трагедия в Пешаваре напомнила Бесланскую 2004 г., тем более что во главе боевиков, по некоторым сведениям, стоял выходец из Чечни и среди них, как будто, не было ни одного пакистанца¹⁷.

Нападение на военную школу, которое, кстати, было достаточно быстро отражено армейскими спецчастями, послужило толчком для нового этапа борьбы с террором. Правительство одобрило Национальный план действий, предусматривающий широкий набор мер по искоренению терроризма. В соответствии с ним в список запрещенных попали 12 новых структур, в том числе такие казавшиеся «неприкосновенными», вследствие предполагаемых связей с пакистанской контрразведкой, как сеть Хаккани и Джамаат-уд-дава. Последнюю Индия считает группировкой, ответственной за теракты на ее территории¹⁸ и требует привлечь к судебной ответственности его главу, радикального проповедника Хафиза Саида¹⁹. Пакистанский парламент в январе 2015 г. принял 21-ю поправку к конституции, в соответствии с которой учреждаются (временно, сроком на два года) военные суды для быстрого разбирательства дел, связанных с террором. Наконец, был отменен мораторий на смертную казнь, и в первые месяцы 2015 г. в тюрьмах и военных гарнизонах были повешены несколько десятков преступников.

Важным шагом по борьбе с хроническими нарушениями правопорядка была развернутая армией, точнее, подчиненными ей военизированными формированиями («синдскими рейнджерами»), многомесячная операция в Карачи. Этот город, крупнейший по населению (по консервативным оценкам, 16 млн человек) и ключевой по роли в национальной экономике, на протяжении длительного времени был одним из самых небезопасных мегаполисов мира. Ежедневно в нем совершались похищения людей ради выкупа, происходили перестрелки между мафиозными группами, гибли улемы из противоборствующих религиозных

¹⁷ Peshawar school attack //The Express Tribune. Retrieved 16 December 2014; Beslan 2004: The other cowardly terror attack on kids // Times of India. Retrieved 17 December 2014; Beslan in Pakistan // Pravda.ru. 16 December 2014.

¹⁸ Включая самый крупный из них — нападение высадившихся с лодки боевиков на главный морской порт Мумбан (Бомбей) 26 ноября 2008 г.; жертвами атаки стали более 160 человек.

¹⁹ О его деятельности и идеологии его организации см: Iqtedar H. Secularizing Islamists. Jamaat-e-Islami and Jamaat-ud-Dawa in Urban Pakistan. The University of Chocago, 2011, p. 109, 122–123 et al.

течений, общественные деятели и политики. Борьба в городе велась как по политическим, так и по экономическим мотивам. Городская недвижимость быстро возрастала в цене и служила предметом прибыльных незаконных операций. С 2010–11 гг. пакистанские талибы стали активно переносить в Карачи часть своей подпольной сети. Борьба талибов с давно укоренившимися там бандитскими группами превратило некоторые его районы в «городские джунгли»²⁰.

Произведенные рейнджерами и полицией в 2015 г. «зачистки», по свидетельствам печати, заметно оздоровили обстановку в городе. Хотя господствующие в нем политические силы, в частности, партия Муттахида кауми мувмент (Объединенное национальное движение), опирающаяся на поддержку людей, переселившихся из Индии после 1947 г., и их потомков, нередко выражали протесты против грубых и неадекватных действий правоохранителей, основная масса жителей, а главное, влиятельный «средний класс» и богатое бизнес-сообщество, с пониманием встретили акции, одобренные как центральным правительством, так властями провинции Синд, главным городом которой является Карачи.

Таким образом, 2015 год может стать переломным в истории борьбы пакистанского государства с проявлениями радикализма и терроризма. Если в начале года в стране еще был совершен ряд громких терактов, направленных против шиитов в Синде, шиитов-хазарейцев в Белуджистане и христиан в Панджабе, то с лета сообщений о них не поступало. Впрочем, ситуация может измениться в дальнейшем и в худшую сторону. Неясно, является ли временный спад в активности экстремистски настроенных исламистов только эпизодом, следствием стечения обстоятельств, или он вызван базовыми причинами.

Заключение

Подводя итоги, следует заметить, что на протяжении всей, почти уже 70-летней истории Пакистана наблюдается хоть и неровное, но неуклонное укрепление позиций религии в общественной и политической жизни. Одновременно с этим возрастает влияние исламизма как идеологии, используемой религиозными партиями и организациями. Под прямым воздействием политики исламизации, проводившейся военным режимом М. Зия-уль-Хака в конце 1970-х и в 80 годы, произошло заметное усиление исламистского радикализма. Кампании по исламизации проводились центральными и местными властями и позднее. В подоснове экстремизма лежат такие социальные факторы, как трения между суннитской и шиитской общинами страны и между мусульманами и немусульманами. Общественные и политические противоречия на этой почве усугублялись воздействием региональных явлений — войны исламистов (муджахедов) с афганским правительством и антиправительственными выступлениями в индийском штате Джамму и Кашмир, имевшими исламскую окраску. Seriously

²⁰ Zaman F., Ali N.S. Taliban in Karachi // Dawn, Mar 31, 2013. URL: www.dawn.com 02.10.2015

содействовала подъему радикального исламизма и пакистанская политика в отношении Афганистана и Индии.

Обобщая приведенный в статье материал, можно наметить несколько этапов в эволюции исламистского радикализма в Пакистане. Первый из них был периодом постепенного его нарастания. Он начинается в 1980 г. с обострения суннито-шиитских отношений из-за осуществляемой властями кампании по исламизации и заканчивается (условно, разумеется) в 1998 г., принятием властями жестких мер по обузданию суннито-шиитских «разборок» в Пенджабе. На протяжении этих без малого 20 лет усиливается радикализация исламизма из-за событий в Афганистане (главным образом в 1980-е годы) и Кашмире (в 1990-е). На втором этапе (1999–2004 гг.) наблюдается спад экстремистской и террористической активности, а на третьем (2005–2009 гг.) — новый подъем, отмеченный наступлением афганских талибов на позиции правительственных и иностранных (американо-натовских) войск в Афганистане. В унисон с возрождением афганского движения Талибан происходит укрепление плацдарма пакистанских талибов на северо-западе страны, создание ими угрозы талибанизации Пакистана. Четвертый этап начинается с мая 2009 г. и продолжается до 2015 г. Его отличает планомерная, временами ожесточенная борьба вооруженных сил Пакистана с исламистским радикализмом, и в результате — постепенное, хотя и неравномерное затухание этого движения, вытеснение пакистанских радикалов за пределы страны, в Афганистан. Как видно из предложенной периодизации, эволюция радикализма носит ярко выраженный циклический характер. Очевидно, кроме того, что более или менее окончательное решение проблемы экстремизма и терроризма в Пакистане возможно в будущем лишь в случае победы над исламистами во всем регионе, от Афганистана до Ирака и Сирии.